

**Литературные источники философской сказки
Фазиля Искандера «Кролики и удавы»**

Философская сказка Фазиля Искандера «Кролики и удавы» впервые была опубликована за рубежом, в 1980 г. в «тамиздатовском» журнале «Континент» (№ 22–23). В СССР ее напечатали в 1987 г. в № 9 журнала «Юность». Сказка неоднократно становилась предметом критических статей и научных исследований. Традиционно критики и литературоведы останавливались на иносказательных образах «Кроликов и удавов», интерпретируя их с опорой на историко-политический контекст [см. работы: 2; 4; 5; 8; 10; 11; 13; 14]. Однако в некоторых случаях произведение рассматривалось с точки зрения различных литературных традиций, которым следовал Искандер, «опричьевая» реальный социальный сюжет и населяя повествование аллегорическими образами «кроликов» и «удавов». Речь идет о трудах М. Н. Липовецкого [7] и Е. А. Шевель [16], посвященных вопросу жанрового своеобразия. В данной статье мы также — но уже не в контексте проблемы определения жанра — остановимся на литературных источниках, «подготовивших» появление философской сказки Искандера.

В статье «“Знаменитое чегемское лукавство”: странная идиллия Фазиля Искандера» М. Н. Липовецкий, с одной стороны, доказывает, что «структура “Кроликов и удавов” парадоксальным образом возрождает схему волшебной сказки... которая под пером Искандера трансформируется в антисказку», с другой — отмечает, что текст «напоминает о традиции животной сказки, басни» [7]. Действительно, образы зверей, наделенных человеческими качествами, отсылают к басенным и сказочным сюжетам. Определенный горизонт ожиданий задается уже посредством заголовка, с характерным для басен и животных сказок упоминанием персонажей, где один представляет опасность для другого. На близость к сказочной традиции указывает еще одна деталь, на которую обращает внимание исследователь Т. Ю. Угроватова [12]. Речь идет о начале повествования в «Кроliках и удавах»: «Это случилось в далекие-предалекие времена в одной южной-преюжной стране» [3, с. 29]. Редупликация прилагательных, характерная для традиционного сказочного зачина, также является признаком того, что Искандер обращается к сказочной традиции. Напомним, что в советское время сказки о животных, вслед за баснями, принято было воспринимать как «подчеркнуто аллегорические повествования, имеющие глубокий социальный смысл» [17, с. 75]. И хотя не все басни имели историко-политический подтекст, а фольклорным сказкам о животных, по замечанию исследователя Е. А. Костюхина, он в большей степени «приписывался» советской фольклористикой [6, с. 112], тем не менее существовала определенная тенденция социологического истолкования

такого рода произведений. На интерпретацию «Кроликов и удавов» как социальной сатиры, вероятно, и рассчитывал ее автор.

О том, что сказка Искандера воспринималась как социальная сатира, можно судить по отзывам критиков [4; 10; 11; 14] и замечаниям исследователей [2; 5; 7; 8; 16]. И те и другие пишут, что за персонажами и ситуациями виднеется вполне реальный историко-политический контекст. Следуя иносказательной традиции, знакомой по произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина (об отношениях преемственности между двумя сатириками пишет О. Шаврина [15]), Искандер создает узнаваемые пародии на значимые политические фигуры своего времени. Как за образами градоначальников из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина скрывались политики и цари, которых иносказание делало уязвимыми для авторской сатиры, так и в образе Великого Питона угадывался Сталин, а в образе Придворного Поэта прослеживались черты Максима Горького.

Кроме того, что сказка Искандера, по замечанию критика Юлии Тролля, представляла собой «печальный документ советской эпохи» [11, с. 313], и за описанными событиями виднелась реалии современной Искандеру жизни, изображаемая ситуация отсылала также к тексту Дж. Оруэлла «Ферма животных» [7]. Переключки с различными произведениями, являющимися (как басни, книги Салтыкова-Щедрина и антиутопия Оруэлла) сатирическими или относящимися (как сказки о животных) к таковым, свидетельствует о том, что Искандер, работая над «Кроliками и удавами», по закону «памяти жанра» «попал в готовое русло давно сложенных жанров» [16].

Обращая реальный социальный сюжет в сказочный, писатель следовал уже сложившейся традиции иносказательного письма и создавал свое произведение с установкой на понимание читателем аллегорического текста. Культурный багаж в совокупности с умением распознавать эзоповскую речь (заметим, что в то время эзопов язык был одним из излюбленных приемов инакомыслящих советских писателей, а «разгадка тайнописи, поиск подтекста, аллюзий, аналогий была одним из самых любимых развлечений советского интеллигента» [1, с. 585]) делал содержание искандеровской сказки предельно понятным ее читателям. Так, «тамиздатовские» критики, комментируя первую публикацию сказки в «Континенте», отметили: «“Кролики и удавы” вряд ли когда-нибудь будут опубликованы на родине автора... Книга совершенно лишена камуфляжа» [11, с. 313].

Еще один ранее не учтенный исследователями творчества Ф. Искандера литературный источник философской сказки «Кролики и удавы» позволяет более точно интерпретировать ее иносказательные образы. Этим источником была книга А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Напомним, что в 1970-е гг. книга Солженицына не могла быть опубликована в СССР, но была напечатана на Западе, в парижском издательстве «УМКА-Press». Первая часть вышла в 1973-м, вторая — в 1974-м и третья — в 1975 г. В то время произведения советских писателей, напечатанные за рубежом, пересылались в Советский Союз и, пусть со значительными препятствиями, нелегально, но распространялись в стране по неофициальным каналам. Так что Искандер мог

познакомиться с произведением Солженицына сразу, как только оно появилось в «тамиздате». Во всяком случае, все основные образы искандеровской сказки прямо отсылают читателей к этому тексту. К примеру, кроликами Солженицын называет людей, которые, попав под следствие, покорно позволяли «органам» приписывать себе необоснованные, зачастую абсурдные обвинения. Этим же людям, только уже «этапированных» на острова Архипелага ГУЛАГ, Солженицын именуется туземцами [9, с. 26, 377, 495]. Хотя у Солженицына нет прямого сравнения служащих НКВД с удавами, но в описании сотрудников внутренних органов время от времени проступает нечто змеиное. Так, в одном из эпизодов, описывая вербовку сексота, Солженицын характеризует служащего, вербующего «стукача», следующим образом: «неизвестный горбоносый капитан с гипнотизирующим взглядом кобры» [9, с. 298].

В «Архипелаге» Солженицын пытается разобраться в психологии «кроликов», позволяющих «заглотить» себя без сопротивления. Среди возможных причин Солженицын не исключает гипноз [9, с. 276] (напомним, что в искандеровской сказке удавы, охотясь на кроликов, прибегают именно к этому приему). Впрочем, версия о реальном гипнозе, по мнению писателя, несколько сомнительна, и он (как и кролик Задумавшийся из сказки Искандера) приходит к выводу о том, что «без объяснения психологического тут не обойтись» [9, с. 276]. Размышляя, почему большинство подследственных не сопротивлялось даже тогда, когда их приговаривали к смерти, Солженицын пишет: «А убить себя человек дает почти всегда покорно. Отчего так гипнотизирует смертный приговор? <...> Надежда! Что больше ты — крепишь или расслабляешь? <...> Все арестованные, на коленях, как на отрезанных ногах, ползли поприщем надежды» [9, с. 410].

В сказке Искандера Задумавшийся делает открытие, что гипноз удавов — это всего лишь страх кроликов. Однако кролики не готовы принять это, потому что тогда им придется отказаться от мечты о Цветной Капусте. Вслед за Солженицыным, Искандер продолжает развивать мысль о гипнотической силе надежды, позволяющей управлять «кроликами».

Таким образом, инспирированная книгой Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», философская сказка «Кролики и удавы» содержит явные отсылки к этому тексту, что позволяет более точно проинтерпретировать ее образы, созданные при помощи эзопова языка. Также среди литературных источников можно отметить те, отсылка к которым задает определенный горизонт ожиданий, что позволяет воспринимать текст Искандера как социальную сатиру, написанную в аллегорическом ключе и служащую поучительным целям: сказка рассчитана на «мрачнющего» [3, с. 183] читателя, способного сделать правильные выводы и перестать быть «кроликом».

Литература

1. Блюм А. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790–1990 : Опыт комментированной антологии. СПб., 2011.
2. Иванова Н. Б. Смех против правил, или Фазиль Искандер. М., 1990.

3. *Искандер Ф.* Кролики и удавы ; Созвездие Козлотура ; Детство Чика : притча, повесть, рассказы. М., 2011.
4. *Казинцев А.* Очищение или злословие? // Наш современник. 1998. № 2. С. 186–189.
5. *Козэль О. С.* Проза Фазиля Искандера. Мирозидение писателя. Поэтика : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
6. *Костюхин Е. А.* Типы и формы животного эпоса. М., 1987.
7. *Липовецкий М. Н.* «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идилия Фазиля Искандера [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/lip.html> (дата обращения: 29.08.2014).
8. *Нефагина Г. Л.* Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века. Минск, 1998.
9. *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. Екатеринбург : У-Фактория, 2006.
10. *Соловьев В.* Фазиль Искандер в окружении своих героев // Литературная учеба. 1990. № 5. С. 109–114.
11. *Троль Ю.* «Кролики и удавы» Фазиля Искандера // Часть речи. 1981/2. № 2/3. С. 313–315.
12. *Урватова Т. Ю.* Уроки 1–2. «Кролики и удавы» (1973) — сказка Ф. Искандера // Русская литература последних десятилетий / под ред. В. Г. Маранцмана [Электронный ресурс]. URL: http://www.prosv.ru/ebooks/Marancman_Rus_liter_11kl/index.html (дата обращения: 29.08.2014.).
13. *Хлебников О.* «Гипноз удава — это наш страх» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pochaugazeta.ru/gulag/48541.html> (дата обращения: 29.08.2014.).
14. *Чупринин С.* Похвала злословию // Литературная газета. 1987. Вып. 44. С. 5.
15. *Шаврина О.* Традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина в сказке Ф. Искандера «Кролики и удавы» [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=199803301> (дата обращения: 29.08.2014).
16. *Шевель Е. А.* Философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы»: феноменология жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012.

Т. О. Максимова

Пермь

Литература и блог: возможности творческого взаимодействия (на материале прозы Т. Толстой и Н. Горлановой)

Современные писатели сегодня гораздо ближе к читателю, чем когда-либо. Интернет дает возможность организовать живой полилог между писателями, читателями, критиками, позволяет быть одновременно и писателем, и читателем, и критиком. Писатели используют Всемирную сеть в качестве рекламной площадки для своего творчества; в качестве черновика, проходящего апробацию; в качестве пространства, в пределах которого зарождается и раскрывается образ писателя.